

Шмелева Т.В.

Великий Новгород, Россия

**КРИЗИС КАК КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО
ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Слово кризис характеризуется с помощью понятия «ключевое слово текущего момента», что означает выявление его специфики проявления в медийных текстах, а также в плане активизации лексических и грамматических параметров, в том числе метафоричности, деривации. Характеристики основаны на наблюдениях над текстами прессы и интернет-ресурсов.

Ключевые слова: русский язык, медийные тексты, жанры, смеховая культура, метафора, дериваты.

Сведения об авторе: Шмелева Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики.

Место работы: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

Контактная информация: 173020, г. Великий Новгород, ул. Парковая, д. 10а, кв. 29.

E-mail: szmiel@mail.ru.

Shmeleva T. V.

Veliky Novgorod, Russia

**KRIZIS (CRISIS) AS THE KEY WORD OF THE
PRESENT MOMENT**

ГЧТИИ 16.21.27

Код БАН 10.02.01

Abstract. The word *krizis* (*crisis*) is described using the notion “key word of the present moment”, which means revealing its specific manifestations in media texts and also its lexical and grammatical parameters that become activated, among them metaphoricity, derivation. The characteristics are based on the study of texts from the press and Internet resources.

Key words: Russian language, media texts, genres, culture of laugh, metaphor, derivatives.

About the author: Shmeleva Tatyana Victorovna, doctor of philology, professor of the Chair of Journalism.

Place of employment: Novgorod State University named after Yaroslav-the-Wise.

Предложив полтора десятка лет назад понятие *ключевое слово текущего момента*, я перечислила признаки, в которых проявляется статус слова, оказавшегося в центре всеобщего внимания. Эти признаки, как теперь очевидно, при их множественности касаются трех аспектов существования слова – текстового, лексического и грамматического.

Текстовый аспект проявляется в **частотности** использования слова, в том числе в **заголовках** – как максимально сильной позиции текстов массовой коммуникации. Кроме того, такие слова становятся объектом активной и массовой **языковой рефлексии**, появляется масса **дефиниций** – высказываний типа *X – это...* или *X – это не...* Текстовый аспект существования ключевого слова наиболее заметен, ощутим, он бросается в глаза каждому, хотя может быть по-настоящему квалифицирован только лингвистом.

Лексические параметры слова – его синтагматики и парадигматики – претерпевают изменения, в частности, расширяются возможности его **метафорического** употребления, модифицируются синонимические и антонимические отношения. Часто такие слова начинают использовать в качестве **онимов**.

Наконец, статус ключевого слова вызывает активизацию его грамматических возможностей (самых консервативных), в частности, его **деривационного потенциала**, т.е. появление новых производных, расширение их сферы употребления и семантики.

Таким образом, оказалось, что попадание слова в число ключевых оказывает влияние на все стороны его функционирования, что иллюстрировалось словами *демократия*, *рынок*, *ваучер*, *август...* [Шмелева 1993].

Сегодня среди ключевых слов текущего момента – *кризис*, это, думается, ни у кого не вызовет сомнений. Рассмотрение его в этом отношении важно не только в плане изучения политического лексикона, интересно увидеть, как работают выявленные признаки ключевых слов в современных условиях.

Понятно, что речь пойдет не о кризисе вообще, который, напр, в [Даль 1989: 194] толкуется как *перелом, переворот, решительная пора переходного состояния*, а о кризисе экономическом. Хотя, надо сказать, слово это многозначно, что заслуживает отдельного исследования хотя бы потому, что число кризисов растет на наших глазах – *экологический, инвестиционный, продовольственный, кризис семьи, кризис среднего возраста...* Последний, кстати, стал даже сюжетом и названием фильма, снятого в 1997 году (реж. Г. Сукачев).

Итак, кризис экономический, и не какой-то, а тот, что стал объектом всеобщего внимания с осени 2008 года – *нынешний кризис*, как его называют в статьях; см. напр.: фрагменты из текстов «Известий»: *Билл Гейтс утверждает, что нынешний кризис – очень благодатное время для инновационных изменений* (9.04.2009); *Нынешний кризис – как минимум на пару лет* (26.05.2009); *Нынешний кризис правомерно сравнивают в Великой депрессией 30-х годов XX века* (27.05.2009). Но чаще о нем говорят – *мировой и финансовый*.

Сначала, как известно, эти обозначения относились только к американской экономике. Его именovali еще *ипотечный, банковский*, а для наших «кризисных явлений» (а это всё-таки не собственно кризис) были введены эвфемистические замены *сложная экономическая ситуация* и... При этом власть высказывалась в том смысле, что кризис у них, а у нас временные

трудности. Это для старшего поколения читателей газет вызывало эффект дежа вю: прям как при советской власти, когда у них был *бизнес*, а у нас *народное хозяйство*, у них *лидер*, а у нас *генеральный секретарь* (о сложности их адаптации см.: [Вепрева 2002: 281-286]). К словам, которые «у них», относился и *кризис* – неизбежное явление капиталистического хозяйства, совершенно не свойственное социализму.

Убедиться в этом можно, заглянув в словарь Ушакова, где кризис во втором значении (экон.) толкуется так: *Периодически наступающее в капиталистической экономике явление перепроизводства товаров, ведущее к разорению мелких производителей, к сокращению производства и к усилению безработицы*. Иллюстрируется это толкование цитатой из Сталина: *Нынешний экономический к. развертывается на базе общего кризиса капитализма, возникшего еще в период империалистической войны, подтачивающего устой капитализма и облегчившего наступление экономического кризиса*. Советские люди по отношению к себе могли употреблять это слово только, судя по словарным пометам, в разговорной речи шутливо: *У меня сейчас к.: ни копейки в кармане* [Толковый 1935: ст.1515-1516].

Позднейшие словари придерживались приведенного толкования, иногда усиливая мотивы чужеродности именуемого им понятия; так, в [Ожегов 1972: 280] к речению *Правительственный к.* приводится в скобках пояснение: «в буржуазных странах: вызванная острыми политическими разногласиями перемена правительства». Понятно, что в странах социализма политических разногласий быть не могло.

Слово *кризис* в советский период не относилось к редким, но встретить его можно было в текстах учебников политэкономии капитализма, газетных статей о бедственном положении трудящихся в капиталистических странах. Перешло слово в круг «наших», т.е. таких, с помощью которых описывается то, что происходит здесь и сейчас, в начале 1990-х с переходом к рыночной экономике, называть которую капиталистической как-то не принято до сих пор. Показательство этого – наличие слова в [Максимов&др. 1992: 106], где кризис толкуется как *тяжелое, затруднительное состояние чего-либо, обострение положения где-либо, трудный, болезненный переходный период* и иллюстрируется таким показательным для наших рассуждений высказыванием из журнала «Новый мир»: *Несколько лет назад, в начале перестройки, почти никто представить себе не мог, что у нас возможен затяжной экономический кризис, более того, что не исключена и катастрофа* (№5.1990).

С тех пор мы уже хорошо представляем себе, что это может быть у нас, пережив серию кризисов. Интересно, что, несмотря на наш уже богатый кризисный опыт, отраженный, кстати, и в том, что новые версии словаря Ожегова не

дают указаний на чужеродность («в буржуазных странах», «в капиталистической экономике»), а приводят типовые речения *кризисная ситуация; кризисные явления в торговле, в тисках кризиса* [Толковый 2008: 380], при наступлении нынешнего – мирового, глобального – всё-таки совершались попытки удержать слово *кризис* в сфере «у них». Симптоматичный эпизод.

Но с осени 2008 кризис был признан существующим, и этим словом запестрели медийные тексты и устная речь. В медиа еще помнили недавнее прошлое: *Экономический кризис, наличие которого столь яростно отрицало государственное телевидение, оказывается, вовсю уже свирепствует на российских просторах* (А. Гольц 21.11.2008 <http://www.ej.ru/?a=note&id=8586>); в конце года вспоминали о том, как *высочайше было позволено употреблять слово «кризис» применительно к России* (<http://grani.ru/Politics/Russia/m.146018.html>). А разговорную речь характеризует такой эпизод: зимой услышала в магазине, как на вопрос покупательницы, почему нет сала, продавщица ответила: «На складе нет / кризис, наверно, повлиял». Восприняла это как сигнал тотальной осведомленности о кризисе и частотности слова в устной речи.

Итак, слово *кризис* обнаруживает взрывообразную **частотность**. Новым в лингвистическом плане оказывается то, что ее теперь возможно измерить: на запрос ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В РОССИИ поисковые системы Яндекса выдают 69 миллионов ссылок, тогда как на запрос МИРОВОЙ КРИЗИС – 41 миллион. Для сравнения можно привести данные о ключевых словах начала 1990-х: РЫНОК – 282 миллиона ссылок, ДЕМОКРАТИЯ – 23, ВАУЧЕР – 3. Как мы видим, превосходит рассматриваемый *кризис* только порождающий его *рынок*, *ваучер* дает несопоставимо малое число ссылок, а *демократия*, хотя и не снята с повестки дня, уступает кризису в три раза.

Конечно, эти количественные данные нельзя воспринимать как абсолютные (так, в ссылках на запрос РЫНОК на первой же странице можно найти ПТИЧИЙ РЫНОК, БЛОШИНЫЙ РЫНОК) – что-то обязательно отсечется, но масштаб различий словоупотребления ощутим и, как кажется, вполне может быть признан красноречивым. Весьма знаменательно, что появилось множество сайтов, где циркулирует информация о кризисе – crisis.org; 2008crisis.ru; finansovyj-krisis.ru; novosti-krizisa.ru и т.д. Так, на одном из них можно прочитать следующее:

Друзья! Весь мир сейчас буквально лихорадит от слова «кризис». Его называют банковским кризисом, финансовым кризисом, экономическим кризисом 2008, мировым кризисом, а также кризисом в России. СМИ выплескивает все более и более негативную информацию, с каждым днем прогнозы аналитиков становятся все более устрашающими. Сегодня слова «финансовый кризис» на устах не

только у владельцев компаний, топ-менеджеров, но и у простых рабочих. Сколько продлится и когда закончится кризис? Как сберечь и куда вложить деньги? Неужели все так страшно? Давайте не поддаваться панике (<http://crisis.rabotavgorode.ru/>).

Итак, в осмыслении частотности ключевых слов текущего момента мы получили новые инструменты измерения ее – интернет-ресурсы с их службой статистической инфраструктуры. Они же оказываются незаменим при изучении способности слова выступать в **заголовках медийных текстов**: это позволяет зафиксировать сайт zagolovki.ru, в котором представлены материалы?? российских изданий – выборка вполне репрезентативная. Что можно увидеть, анализируя заголовки медийных текстов?

Во-первых, следует отметить, что исследуемая лексема появляется в заголовке и подзаголовке; ср.: ГОССЧЕТ В ЭПОХУ КРИЗИСА / Виктор Христенко о поддержке отечественного автопрома, ценах на лекарства и о компаниях-должниках (Е. Кукол // Российская газета 30.03. 2009) и РЫБА ПРОТИВ МЯСА / Кризис меняет продуктовые приоритеты россиян (С. Зырянова, Е. Кузнецова // Труд 30.03. 2009). Наряду со словом кризис в заголовках фигурируют и его производные: КРИЗИСНЫЕ БУДНИ (А. Лившиц // Известия 22.04.2009); НА АНТИКРИЗИСНУЮ БОРЬБУ ВРЕМЕНИ НЕ ЖАЛЬ / РСПП и президент предлагают сделать противостояние кризису непрерывным (П. Нетреба // Коммерсантъ 31.03. 2009); АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ ЗАПАЛИ В ДУШУ НАСЕЛЕНИЮ / Граждане рассказали правительству, как победить кризис (М. Товкайло // Газета 3.04. 2009).

Во-вторых, слово кризис стало восприниматься на фоне не свойственных ему прецедентных текстов:

КРИЗИС С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ / Всемирный банк рекомендует российским властям резко увеличить помощь населению (В. Ситникова // Время новостей 31.03 2009) ← «социализм с человеческим лицом», высказывание Александра Дубчека, возглавлявшего компартию Чехословакии во времена «Пражской весны» [Душенко 2006: 152], а в конце XX века воспринимаемая в нашей стране чуть ли не как формула национальной идеи [Вепрева 2002: 314];

КРИЗИС. ТРУД. МАЙ / Весь мир отметил Первомай под рабочими лозунгами (ТРУД 04.05.2009) ← плакатный первомайский лозунг, восходящий к поэтическим строкам В. Маяковского [Душенко 2006: 310];

КОМУ В КРИЗИС ЖИТЬ ХОРОШО / В бизнесе растет расслоение (Т. Фроловская // РБК daily 10.04. 2009) ← «Кому на Руси жить хорошо», название поэмы Н.А. Некрасова, хрестоматийного произведения русской литературы. Кстати можно заметить, что интерес к этой поэме проявляют современные школьники, ведь она «легко усвояема (рассчитана-то на крестьян!), гротескно смешна (особенно сцена поиска

счастливого человека на базаре, с призом в виде ведра водки), легко транспонируема в современность (обсуждение, кому на Руси хорошо жить сейчас, выливается в увлекательный спор)» [Быков 2009].

Как можно увидеть, в круг прецедентных входят и классические тексты русской литературы, и социалистические лозунги, по определению не совместимые с фактом кризиса. Это стоит расценивать, как глубокое освоение понятия *кризис* и в материи русской культуры и ее словесного воплощения.

Дефиниции со словом *кризис* используются даже в рекламе: *Кризис – время для умных* (далее выгодное финансовое предложение). Если же о серьезных дефинициях, то стоит отметить ее в тексте известинского колумниста А. Лившица: *Кризис – неотъемлемая часть рыночной экономики. Механизм автоматической очистки от неэффективного бизнеса. Его нельзя оттуда как-то изъять. Вывинтить. А вот минимизировать потери можно* (27.05.09). Дефиниции могут содержаться прямо в заголовках: КРИЗИС – ЭТО ВОЙНА (П. Авен); КРИЗИС – ЭТО СУД БОЖИЙ НАД ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НЕПРАВДОЙ (Владыка Кирилл); КРИЗИС – ЭТО ТЕСТ НА ЗРЕЛОСТЬ (Д.А. Медведев); КРИЗИС – ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ДЛЯ УЧЕБЫ (С. Мясоедов, вице-президент Российской ассоциации бизнес-образования // Известия 3.03.2009). Нельзя ее заметить, как содержание дефиниций зависит от занятий автора: для банкира – это война, для патриарха – суд божий...

Близка к дефинициям и формула *Кризис как...*, получившая распространение в заголовках. В них так же выделяется в кризисе именно тот аспект, который важен для автора: КРИЗИС КАК НАКАЗАНИЕ? КРИЗИС КАК ИЗБАВЛЕНИЕ (<http://www.artc-alisa.ru/news/1344/>); КРИЗИС КАК ДИАГНОЗ / Экономические трудности начали сказываться на здоровье россиян (А. Дмитриев, Ю. Зиновьева // Новые известия 6.04.2009); КРИЗИС КАК ИННОВАТОР / Минэкономразвития разглядело перспективы обновления экономики (Газете 27.03.2009); КРИЗИС КАК ЭКСПОНАТ (Литературная газета 20-26.05.2009).

Новым признаком текстового аспекта функционирования, не отмеченным в [Шмелева 1993], следует назвать **текстогенность** ключевого слова – способность порождать вокруг себя массу текстов. Понятно, что тексты эти порождаются людьми, но ключевое слово как бы издает импульсы, можно даже сказать, императив к созданию таких текстов. Собственно, то, что оно фигурирует в заголовках, и есть одно из проявлений текстогенности. Но важно вот на что обратить внимание: круг текстов, порождаемых вокруг ключевого слова, превосходит задачи обмена информацией – т.е. создания новостных, информативных текстов. Появляются аналитические тексты, в которых представлена рефлексия о называемом слове явлении в самом широком контексте, включая философ-

ский. Так, значительный резонанс в рассматриваемый период имели статьи [Кантор 2008] и [Медведев 2009]. В первой дается анализ социологический фона кризиса и его социальных последствий; выражение из нее «коллективизация среднего класса» цитируется (см. напр., [Быков 2009]). Во второй речь идет о судьбе отечественной философии, но завершается она заключением, вызвавшим энтузиазм читателей-гуманитариев: «Думаю, что кризис только усилит спрос на философию и философов» (статья была вывешена и обсуждалась на университетском сайте НовГУ).

Но самое интересное, что кризис порождает множество принципиально «беззаголовочных» текстов в рамках современной смеховой культуры – иначе говоря, шуток, анекдотов, приколов, как теперь обозначается эта не определенная форма смехового поведения. В очередной раз обращаясь к данным Интернет, можно сказать, что на запрос КРИЗИС В АНЕКДОТАХ в Яндексе получено 13 миллионов ссылок. Конечно, многие тексты здесь многократно воспроизводятся, но и этот факт говорит о востребованности текстов. Об этом же говорит и наличие специальных сайтов типа «кризис с юмором», где можно прочитывать такие, например, шутки: *Один из способов разбогатеть во время кризиса – написать книгу "1000 и 1 совет, как разбогатеть во время кризиса"; В кризис каждый второй магазин называется "АРЕНДА" или "СДАЁТСЯ"*; Они жили во времена мирового экономического кризиса – жили недолго и несчастливо (<http://www.dotfun.ru/Krizis-s-umorom/>). Разумеется, эти сайты далеки от какой-бы то ни было корректности: стихия материально – телесного низа, по терминологии М.М. Бахтина, дает себя знать, скажем, в традиционном жанре частушки. Но нам важно отметить, сам факт продуктивности текстов смеховой культуры на фоне кризиса и их новые формы бытования – в интернете.

Не отстают от Интернет-ресурсов и печатные издания, чаще всего они тиражируют тексты, появившиеся в интернете. Так, «Известия» в последнее время завели рубрику ШУТ С НАМИ, где публикуются шутки вроде такой: – *Кризис дополз и до меня... Сыр ем с плесенью, вино пью старое, езжу в машине без крыши* (15.05.2009). «Новая новгородская газета» печатает в одном из номеров пародийные ОКНА КРИЗИЗА (аллюзия к ОКНАМ РОСТА), где помещает и такой лозунг: *Муж на работе, ты дома одна?/ Видно, еще не достигли мы дна!* (22.04.2009). Здесь можно упомянуть и карикатуры Андрея Бильжо в «Известиях», где тема кризиса проходит, можно сказать, красной нитью (15.05.2009 и др.).

Лексические параметры слова *кризис* было бы интересно рассмотреть особо в плане сочетаемости в прилагательными (о множестве разных кризисов уже говорилось), существительными в форме род. п. типа кризис семьи. Но так как нас интересует текущий финансовый

кризис, то остановимся на его **метафорическом** представлении в медийных текстах.

Если взять только страницы «Известий», то кризис представлен там следующим образом. Прежде всего, это действующее лицо, субъект экономической и социальной жизни: *у него есть дыхание, которое мы чувствуем на себе; он подтолкнет нас к большей эффективности; у него есть различные проявления*; он может **заткнуть фонтан**, причем в самом буквальном смысле слова: на плавучий фонтан напротив стрелки Васильевского острова в Петербурге нет денег. Действующее лицо это довольно агрессивное: *он изменяет ситуацию, ударяет, и больше всего ударил по Донбассу; испытывает нас на прочность*; от него **страдают** и у него есть **жертвы**. При этом *он не вечен* (9.04.2009), что сближает его с человеком. Итак, первая метафора **антропоморфная**.

Второй можно назвать **пространственную**: из кризиса *можно выйти* и *можно из него вывести* – значит, это закрытое пространство, однако выход не очевиден, поэтому *«Единая Россия» ищет выход из кризиса*. От него можно *уехать по какой-то дороге*. Но оно имеет глубину и заполнено жидкостью, поэтому *из кризиса можно вынырнуть и достичь дна*. Эта жидкая среда создает стихийность: *волны кризиса* накрывают одна за другой, все гадают: будет ли следующая? Стихийность позволяет образовывать формы **в кризис**, как *в шторм, в дождь, в метель*.

Не чужда кризису и предметная метафора: **в его тисках, в его сетях** оказываются новые и новые пострадавшие. Недаром его называют **механизмом**, *вымывающим неэффективный бизнес* (А. Лившиц). Как предмет он может передвигаться: **Кризис докатился до розничной торговли** (Новые известия 25.05. 2009); и вращаться, отсюда у него новые и новые *витки*

За пределами известинских страниц можно увидеть, что в антропоморфной метафоре усиленно эксплуатируются семы агрессивности: *кризис свирепствует, заставляет, вмешивается*. Как развитие этой метафоры выглядят высказывания с идеей *противостояния кризису, борьбы с ним, преодоления его и победы над ним*. Пространственная метафора активизирует вертикаль: *Мир провалился в кризис* (Независимая газета 30.12.2008).

Кажется, в использовании метафор кризиса есть и неудачи, так, Ю. Лужков считает, что «кризис простирается над нами, довлеет над нами». Не говоря об откровенной лексической ошибке с последним глаголом (о нем пишут едва ли не в каждом учебнике по культуре речи), пространственную метафору с глаголом *протираться* вряд ли можно признать удачной, так что рамки метафористики определились.

Интересно отметить, что с этим кризисом не связаны катастрофические метафоры: *пропасть, бездна, тупик*, что было характерно для времени самых первых наших кризисов [Баранов, Караулов 1991: 162–163; 1994: 177]

Грамматическая активность слова *кризис* в этот период его функционирования в качестве ключевого проявляется в активности падежных форм в разных значениях. Здесь возникает интересная тема «Кризис как актант», связанная с метафорикой, но более абстрактная. Чаще всего кризис выступает как **субъект**. В форме им.п. он *влияет, заставляет, толкает и подталкивает, меняет ситуацию, пытается внести коррективы в планы правительства, испытывает нас на прочность*; в форме род.п. чаще всего фигурируют в текстах *жертвы кризиса и уроки кризиса*; в форме твор.п. выступает при страдательных причастиях: **РОССИЯ РАССЧИТЫВАЕТ ИГРАТЬ НОВУЮ РОЛЬ В ПОРАЖЕННОЙ КРИЗИСОМ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ** (Известия 2.04.2009).

Формы род.п. с предлогами позволяют выражать отношение к кризису в пространстве и во времени: **ПО КАКОЙ ДОРОГЕ УИДЕМ ОТ КРИЗИСА?** (Известия 15.04.2009).

В форме дат.п. чаще всего встречается выражение **КРИЗИСУ ВОПРЕКИ** (Новгород 1.01.2009; 2.04.2009); но можно встретить неожиданное *Спасибо кризису* с предшествующим текстом *При правильной политике банков будет меньше, и они станут мощнее. Давно пора* (А. Лившиц // Известия 22.04.2009).

Твор.п. обнаруживаем во фразеологических структурах: *Кризис кризисом, а дороги, вокзалы, морские и воздушные порты будут улучшаться и развиваться* (И. Тумакова // Известия 15.04.2009).

Деривационные возможности слова *кризис*, как и ожидалось, активизировались. Круг его дериватов, который исчерпывался прилагательным *кризисный*, пополнился прилагательными *антикризисный*, *докризисный* и *послекризисный*. Наличие последних говорит о том, что кризис воспринимается как важное событие, разделившее жизнь на до и после (ср. довоенный, послевоенный и под.). Наряду с *послекризисный* зафиксирован и его дубликат с латинской приставкой: *Посткризисное общество будет хорошо понимать, что нет такого «идеального добра», которое нельзя было бы улучшить* (Независимая газета 8.04.2009). Что же касается первого прилагательного *антикризисный*, оно сочетается с субстантивами *штаб, меры, политика*; журналисты заметили, что оно выглядит как антоним адъектива *кризисный*, а значат они одно и то же, как *истовый* и *неистовый*.

Дериват *мегакризис* (Известия 9.04.2009), который надо воспринимать как синоним аналитических выражений мировой и глобальный кризис, оказывается в ряду модных номинаций, еще не отраженных в словарях, но в массово представленных в Интернет: *мегамоллы, мегаСайты, мега-порталы, мега-новости, мега-интервью В.В. Путина, Мега Энциклопедия Кирилла и Мефодия, мегафото, Мега Моторс, Мега Фудс...*

Особый случай деривации на основе паронимической аттракции – придуманное Андреем Бильжо слово **КРЫСИС**. Под таким названием с подзаголовком (*Наблюдения натуралиста*) он поместил заметку в своей известинской колонке о нашествии крыс в своем подъезде, поместив этот факт в контекст своих социальных ощущений: *у меня – крысис* (8.04.2009).

Итак, *кризис* как ключевое слово текущего момента обнаруживает все признаки таких слов, выявленные полтора десятка лет назад. Кроме того, оно заставило увидеть еще один важный признак ключевого слова – текстогенность, и особенно в рамках современной смеховой культуры. Видимо, это слово еще преподнесет неожиданности лингвистам разных интересов, некоторые уже обратили на него внимание [Жукова 2009; Макаров 2009]. Хотя понятно, что пожеланий ему долгой жизни как ключевому слову текущего момента никто не сформулирует, даже при большом чувстве юмора.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
- Быков Д. Памятка вербовщику // Известия 26.05.2009.
- Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – М., 1989.
- Душенко К.В. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. 4-е изд. испр. и доп. – М., 2006.
- Жукова М.Е. Отражение кризиса в национальном сознании российского общества сквозь призму фразеологизмов газетной периодики // Фразеология в тексте и текст во фразеологии (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Междунар. научного симпозиума. – Великий Новгород, 2009. С. 319-324.
- Кантор М. Стратегия Левиафана. Метафизика экономического кризиса. URL: <http://www.rulife.ru/mode/article/1091/> 17.12. 2008.
- Макаров В.И. Фразеология кризиса // Фразеология в тексте и текст во фразеологии (Четвертые Жуковские чтения): Материалы Междунар. научного симпозиума. – Великий Новгород, 2009. С. 374-376.
- Максимов В.И. & др. Словарь перестройки. – СПб, 1992.
- Медведев Ю. Призвание Сократов. Во время кризисов появляется спрос на философов // Российская газета 14.04.2009
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 9-е, испр. и доп. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1972.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. – М., 1935.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2008.
- Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Colleqium. 1993. № 1. С. 33-41.
- © Шмелева Т.В., 2009